

«столяр сделал табуретку», неужели здесь речь идет только о соотношении понятий? Ведь тогда получилось бы, что понятие столяра создает понятие табуретки; да и само это «сделал» или «создал» тоже было бы чисто логическим актом, т. е. в первую очередь умозаключением. Конечно, здесь идет речь не о понятиях, но о самих вещах. Но нельзя сказать, что речь идет здесь и просто только о вещах. Ведь в вещах имеется своя собственная причинность, вещи сами себя создают и сами себя уничтожают, так что участие человека тут совсем не обязательно. Значит, предложение «столяр сделал табуретку» не есть ни логическое суждение, ни пассивное восприятие вещей, которые сами себя создают, сами себя уничтожают.

Если нужно обязательно употреблять термин «бытие», то языковое или словесное бытие есть третий вид бытия, наряду с чисто логическим и чисто вещественным, или материальным. Особенности и специфика этого третьего бытия сразу же бросаются в глаза, если только внимательно к нему отнесемся.

Оно есть не что иное, как определенного рода интерпретация бытия, а не просто само бытие. Слово «столяр» уже тем одним отличается и от понятия столяра и от столяра как чисто материального фактора, что оно способно вступать в бесконечно разнообразные отношения с другими словами и вступать в бесконечно разнообразные комплексы слов, откуда и значений этого слова получается необозримое число.

Понятие угла треугольника всегда остается одним и тем же, в какие бы сочетания оно ни входило с другими понятиями. Но столяр может не только делать табуретку. Он может делать и скамейку, и дверь, и шкаф, и стол, и полки, и оконные рамы, и перила на лестнице, и повозки или экипажи и еще многое другое. И везде в этих случаях он выступает с какой-нибудь своей одной специфической стороны. Но он может также и есть, и пить, спать, гулять, ездить, читать газеты или книги, слушать радио, смотреть спектакли, быть здоровым или больным, умирать, носить ту или иную одежду, путешествовать, работать или отдыхать и вообще производить трудно обозримое количество разных действий или поступков, иметь всевозможные настроения, быть работником разнообразной квалификации, ходить пешком или ездить верхом на лошади, ездить в трамвае или автобусе, летом в тарантасе, а зимой в санях. Все эти оттенки деятельности столяра вполне вытекают из слова «столяр» и модифицируют это слово бесконечно разнообразными способами. Однако из *понятия* столяра вовсе не вытекает, что столяр может спать, так же как из понятия «линия» или «отрезок линии» вовсе не вытекает, что линия может быть железной или деревянной, что ее можно согнуть или сломать, что она имеет вес или запах. Следовательно, предложения, кроме строго научных, которые неотличимы от чисто логических суждений, вовсе не состоят из понятий. Подлежащее в предложении не есть понятие, сказуемое или дополнение в предложении — тоже не понятия, да и само отношение между подлежащим и сказуемым, т. е. предикирование, тоже не есть чисто логический процесс.

Предложение, будучи актом мышления и будучи однажды порождено мышлением, получает полную свободу и независимость от мышления, так что мышлению даже трудно угнаться за теми своими актами, которые само же оно и породило. Но еще меньше того связь языкового знака с обозначенной вещью. В самом начале действительно должна быть вещь, а уже потом будет ее название. Если нет вещи, то не может быть и никакого слова об этой вещи, но если слово о вещи однажды образовалось, то оно норовит жить уже собственной жизнью и вовсе не всегда склонно к отражению тех вещей, которые его же и породили и отражением которых оно же и является. Слово настолько начинает жить своей собственной жизнью, что часто даже целиком отрывается от вещи, которую оно призвано обозначать и, значит, отражать. Часто оно даже вовсе прекра-